

пости перевода; если эти неточности запечатлѣть въ пѣнии, то послѣ очень трудно будетъ исправлять и текстъ и пѣтвы. Это—важная мысль; она наводитъ на то, что предварительно употребленія калмыцкихъ переводовъ, надобно тщательно ихъ провѣрить и установить; для сего было-бы полезно созывать (напр. въ Астрахань), хотя-бы разъ въ годъ лицъ, знающихъ калмыцкій языкъ, и при участіи крещено-калмыцкой школы вырабатывать и устанавливать общими силами точную редакцію переводовъ и ужъ потомъ вводить въ употребленіе. А предварительно, въ видѣ подготовительныхъ работъ къ сей общей, могли-бы тѣже знающія лица заготовлять переводы—по предложеніямъ напр. Миссіонерскаго Комитета. Эти, такъ сказать „миссіонерскіе съезды“ служили-бы удобнымъ и благоприятнымъ временемъ для обсужденія и другихъ вопросовъ инородческой миссіи, соединили-бы разрозненныхъ труженниковъ въ одну семью, оживляли-бы ихъ, и самое дѣло и жизнь миссіи. Къ сему считаю необходимымъ сообщить Комитету, что въ настоящее время въ Астрахани проживаетъ просвѣщенный человѣкъ изъ крещенныхъ калмыковъ, врачъ Михаилъ Васильевичъ Вадмаевъ, окончившій курсъ Казанскаго ветеринарнаго института и Казанскаго Университета; онъ бѣ лѣтъ состоялъ практикантомъ калмыцкаго языка при Казанской Духовной Академіи и членомъ Переводческой Комиссіи, учрежденной при Братствѣ Св. Гурія въ Казани,—по калмыцкому отдѣлу. По моему мнѣнію, г. Вадмаевъ былъ-бы полезнымъ членомъ въ Астраханской „Переводческой Комиссіи“.

(Оконч. будетъ).

Грузины въ Астраханской епархіи и отношеніе къ нимъ мѣстныхъ архипастырей въ 18 вѣкѣ.

(Продолженіе см. А. Е. В №№).

Почти слѣдомъ за Христофоромъ пробирался въ Россію другой преосвященный митрополитъ *Тимошей* *). Прибывъ въ Кизляръ въ самомъ началѣ 1762 г. изъ Грузіи со своею свитою, состоявшею изъ архимандрита

*) Въ дѣлахъ архива и Синодальныхъ указахъ онъ именуется или митропол. „Милитинскимъ и Мелетинскимъ“, вѣроятно передѣланное изъ слова — Имеретинскій; или — Кутателскимъ“ вѣсто Кутанскій, какъ-бы слѣдовало по главному городу Имеретіи—Кутань, на мѣстѣ котораго въ древности былъ городъ Котатисіумъ (Энцикл. слов. Андреев. см. слово „Кутань“). Вѣсь сомнѣнія, это тотъ самый митроп. Тимошей, который по любви къ династии Карталинской, искавшей себѣ убѣжище въ Россіи, взялъ самовольно изъ замка Анапуръ крестъ св. Нины и вручилъ его въ Москвѣ царевичу Бакару, сыну царя Вахтанга. Вослѣдствіи, Императоръ Александръ 1-й, при всгуленіи своемъ на престолъ, получивъ сію святиню въ даръ отъ внука Бакарова, возвратилъ Грузіи ея заветное сокровище (Мурав. „Груз. и Армен. т. I. стр. 52).

(Агаѳона), ієродіакона (Саввы) и двухъ служителей, онъ сталъ дожидаться здѣсь благопріятной резолюціи о пропускѣ въ Россію, по обычному представленію о томъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ. Тѣмъ временемъ самъ митрополитъ подалъ коменданту Кизлярской крѣпости генераль-лейтенанту А. Ступишину доношеніе съ подробнымъ описаніемъ своихъ многотрудныхъ странствованій. Изъ этого доношенія усматривается, что еще въ 1737 г. онъ для нѣкотораго дѣла отъ Его Величества Мелетинскаго царя Александра Георгіевича находился въ Россіи, а въ 1740 г. отправился обратно къ своему Государю. Добравшись до Кизляра, онъ принужденъ былъ тогда оставить здѣсь весь свой экипажъ, по случаю въ проѣздѣ опасности отъ иновѣрцевъ, а самъ съ 4-мя своими служителями, взявъ только врученное ему отъ Высочайшаго Двора къ царю Мелетинскому письмо, отправился въ Мелетію (безъ сомнѣнія—Имеретію). Но на дорогѣ со всѣми своими людьми поймавъ былъ иновѣрными противниками христіанъ и содержался 6 мѣсяцевъ въ ихъ рукахъ. Людей же его—двухъ продали, а прочихъ, остави у себя, неизвѣстно куда употребили. Ночью удалось митрополиту бѣжать изъ плѣна, и чрезъ трое сутокъ онъ дошелъ до уѣзда Хройта, откуда врученное ему отъ русскаго Двора письмо съ словесными приказаніями переслалъ къ своему царю съ надежнымъ человѣкомъ, а самъ, проживъ въ томъ мѣстѣ нѣкоторое время и не надѣясь пробраться тѣмъ же путемъ назадъ въ Россію, отправился къ св. граду Іерусалиму. Побывавъ въ Назаретѣ, на горѣ Кармилъ, въ поморья Тира и Сидона, на островѣ Патмосѣ, на горѣ Аѳонской и въ иныхъ св. мѣстахъ, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ прибылъ въ Константинополь, гдѣ встрѣтивъ русскаго посла князя Долгорукова, просилъ его взять съ собою для поклоненія св. мощамъ въ Кіевскія пещеры, а оттуда въ Кизляръ для полученія оставленнаго экипажа. Посоль изъявилъ свое согласіе, но митрополитъ вскорѣ занемогъ и принужденъ былъ остаться въ Константинополѣ. По выздоровленіи онъ прибылъ въ Россію уже чрезъ свое отечество, испытавъ на пути крайнія лишенія. Въ заключеніи своего доношенія митрополитъ просилъ коменданта исходатайствовать ему пропускъ въ С.-Петербургу, а если того нельзя будетъ, то хотя бы дозволено ему было въ Кизлярѣ остатокъ жизни „по претерпѣнн трудомъ и напастей“ въ покоѣ прожить съ назначеніемъ ему со свитою жалованья и съ допущеніемъ въ священнослуженію. О вышеизложенномъ было сообщено и Астрах. дух. консисторіи, которая въ свою очередь донесла обо всемъ Св. Синоду. Но Св. Синодъ въ то время былъ совершенно безсиленъ оказать какую-либо помощь митроп. Тимоѳею. Имяннымъ указомъ Императора Петра III отъ 16 Февраля—21 Марта 1762 г. повелѣно было: „выходящихъ изъ заграницы ни откуда (въ томъ числѣ и изъ Грузіи) монаховъ не принимать и въ монастыри не опредѣлять“, кромѣ того доходы съ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ тѣмъ же указомъ переданы были въ управленіе вновь учрежденной подъ вѣдомствомъ Правит. Сената Коллегіи Экономіи. По сему

Св. Синодъ долженъ былъ ограничиться однимъ представленіемъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ, не изыщеть ли она „по благоизобрѣтенію своему“ какого-либо способа къ удовлетворенію митроп. Тимоѳея „въ разсужденіи его иностранства и извѣстной старости и бѣдности“ и не разрѣшить-ли ему имѣть пребываніе хотя бы, по крайней мѣрѣ, въ Кизлярѣ, въ тамошнемъ монастырѣ, съ выдачею ему жалованія по грузинскому штату. Но въ С.-Петербургѣ не время было тогда заниматься пріѣзжимъ митрополитомъ. 28 Іюня произошла перемѣна царствованія, а 12 Августа уже отъ имени новой Императрицы Екательины II въ Св. Синодѣ былъ полученъ указъ съ предписаніемъ, чтобы „для благопристойнаго духовнаго чина содержанія всѣ синодальныя (архіерейскихъ домовъ, монастырей и блага священства) движимыя и недвижимыя имѣнія отдать имъ въ управленіе по прежнему и для того запечатанныя деньги, хлѣбъ и пр. распечатать“, вновь учрежденную же Коллегію экономіи отставить. Пользуясь благопріятными обстоятельствами митроп. Тимоѳея рѣшился прибыть въ Астрахань по данному отъ Кизлярскаго коменданта Ступиница паспорту, чтобы личнымъ своимъ ходатайствомъ предъ Астраханскимъ преосвященнымъ скорѣе добиться себѣ какого-либо обезпеченія. Преосвященный Меоодій принялъ въ митрополитѣ братское участіе, общалъ ихлопотать ему жалованіе, о чемъ вскорѣ и сдѣлалъ вторичное доношеніе Св. Синоду, въ которомъ, упоминая о прибытіи митрополита въ Астрахань, объяснялъ, что „это на время для братолюбнаго въ Бозѣ съ нашимъ смиреніемъ свиданіемъ“. Не получая долго никакого отвѣта, митроп. Тимоѳея отъ 28 Окт. снова подаетъ на имя преосвящ. Меоодія просьбу, въ коей „дѣрзаетъ напомнить“ про данное Его Преосвященствомъ общаніе объ исходатайствованіи жалованія „какъ и прежде выдаваемо мѣ было отъ Иностр. Коллегіи“, при чемъ проситъ „учинить и милостивую рекомендацію въ Синодъ, упоминая при томъ мою старость и воспитаніе мое не малое время святѣйшими патріархами Константинопольскими и Іерусалимскими..., въ чемъ я имѣю данныя отъ нихъ самихъ епистоліи, кои Ваше Преосвященство сами видѣть соизволили“. Если же почему либо нельзя будетъ опредѣлить ему жалованія, то, проситъ, по крайней мѣрѣ ихлопотать откуда слѣдуетъ позволеніе прибыть ему лично въ Москву „для отдачіи Ея Импер. Величеству моего нижайшаго и всеподданнѣйшаго поклона и пріятія отъ Св. Синода благословенія“. Преосвященный Меоодій вложилъ этому моленію и въ своемъ новомъ отъ 7 Ноября ходатайствѣ предъ Св. Синодомъ, прописывая означенное прошеніе цѣликомъ, просилъ отъ себя опредѣлить того митрополита на жалованномъ содержаніи въ Астраханскомъ Спаскомъ монастырѣ, присовокупляя, что онъ „нынѣ находится въ ономъ монастырѣ безвотчинномъ, малоодоходномъ и безжалованномъ со свитою своею на монастырскомъ пропитаніи“. Но возбуждая ходатайство о жалованіи, митроп. Тимоѳея не имѣлъ еще законнаго разрѣшенія на жительство свое въ Астрахани и даже на пропускъ изъ Кизляра. Такъ какъ вопросъ

о пропускахъ въ Россію иностранныхъ лицъ разсматривался и рѣшался въ Коллегіи Ин. Дѣлъ, то Св. Синодъ и обратился туда съ предварительнымъ запросомъ, объясняя, что если будетъ дозволенъ тому митрополиту со свитою его пропускъ въ Астрахань, то Св. Синодъ съ своей стороны имѣетъ сдѣлать надлежащее разсмотрѣніе относительно помѣщенія его въ одномъ изъ Астраханскихъ монастырей и назначенія ему по грузинскому штату жалованья. Но Коллегія на этотъ разъ почему-то отклонила отъ себя всякое участіе по означенному дѣлу и передала на разсмотрѣніе Св. Синода и самый вопросъ о пропускѣ митрополита въ Астрахань. Тогда Св. Синодъ отъ 23 Декабря того же года разрѣшилъ митрополиту Тимсею со всею его свитою прѣхать изъ Кизляра въ Астрахань, а преосвященному Астраханскому предоставилъ опредѣлять для жительства ихъ келліи и разрѣшать имъ священнослуженіе по своему усмотрѣнію. А относительно включенія ихъ въ грузинскій штатъ и назначенія имъ жалованія опредѣлено было послать въ Штатсъ-Контору указъ. Такимъ образомъ усилія митрополита, по видимому, готовы были вскорѣ увѣнчаться успѣхомъ: для проживанія своего онъ получилъ уже „указный“ уголокъ, а вопросъ о жалованіи направленъ былъ на вѣрный путь. Не смотря на это, однако, дѣло не обошлось безъ новыхъ хлопотъ. Болѣе полгода ожидалъ онъ, что-то опредѣлить ему Штатсъ-Контора. Но она молчала. Тогда митрополитъ вынужденъ былъ опять напомнить о себѣ преосвященному Меодію. Въ особомъ доношеніи своемъ на его имя, ссылался на вышеприведенное опредѣленіе Св. Синода о жалованіи ему и указывая, что „по оному въ Штатсъ-Конторѣ учинено что или нѣтъ, за столь дальнимъ разстояніемъ познать не можно“, а между тѣмъ онъ по прибытіи въ Астрахань, по причинѣ столь дальнихъ перевѣздовъ, „во всеконечное и совершенное пришелъ изнеможеніе и скудость, такъ что ни откуда дневной пищи себѣ не имѣетъ“, — митрополитъ усердно проситъ Его Преосвященство войти съ представленіемъ, куда слѣдуетъ, о назначеніи со дня прибытія его въ Россію (съ Декабря 1761 г.) жалованія, „дабы я не могъ притти въ великую нищету и скудость“. Преосвященный Меодій немедленно же (отъ 6 Іюня 1763 г.) обратился въ Св. Синодъ съ представленіемъ, къ которому приложилъ и копію съ митрополичьяго слезнаго прошенія. Это представленіе имѣло благоприятный исходъ. Митрополиту Тимоею со свитою его опредѣлено было производить жалованія — денежнаго 150 руб. „съ убавкою по 12¹/₄ коп. у каждаго рубля“, да хлѣба по 25 четвертой ржи „по продажнымъ въ Астрахани нижнимъ цѣнамъ“; при чемъ велѣно ему быть въ Астрахани безотлучно. Наконецъ-то митрополитъ дождался себѣ давно желаннаго казеннаго содержанія. Теперь можно было-бы ему спокойно дожидать закатъ дней своего земнаго странствованія. Но вотъ бѣда — старецъ лишился совершенно силъ. Живя въ Астрахани, онъ по непривычности, какъ самъ о томъ писалъ въ Синодъ, „къ здѣшнему въ низовомъ мѣствѣ тяжкому морскому воздуху, при своей древности и тяжелой болѣзни, претерпѣвалъ

векрайшійшую нужду и во всемъ тѣлеси ощущалъ слабость“. Старецъ еще надѣялся, что если позволить ему со свитою пробраться внутрь Россіи и подышать „въ верховомъ мѣстѣ легчайшимъ воздухомъ“, то отъ болѣзни своей онъ несомнѣнно получитъ „отвагу“. Въ виду представленныхъ „резоновъ“ Св. Синодъ разрѣшилъ митрополиту выѣхать въ Москву. Но ему не удалось воспользоваться этою милостію и не суждено было получить желаемую отвагу. 5-го Іюля 1764 г. приславъ въ Астрахань указъ съ позволеніемъ о выѣздѣ, а въ ночь подъ 28 число того же Іюля митрополитъ скончался въ Спасопреображенскомъ монастырѣ „отъ приключившейся ему по волѣ Божіей параличній болѣзни“. По смерти его никакихъ денегъ, кромя самой убогой рухляди, при немъ не оказалось, такъ что духовная консисторія по приказанію преосвященнаго Меодія обратилась въ губернскую канцелярію съ просьбою о выдачѣ изъ заслуженнаго митрополитомъ жалованія, что опредѣлено будетъ, для погребенія и поминованія его за полгода. Каковаго жалованія, по расчету канцеляріи, по день смерти митрополита осталось не полученнымъ за 6 мѣсяцевъ и 27 дней, — всего за установленнымъ съ денегъ вычетомъ и за муку приходилось на долю покойнаго 83 руб. 91 коп. Эти то деньги губернская канцелярія, въ виду отсутствія средствъ на погребеніе митрополита и „въ уваженіе столь знатнаго по духовенству сана, дабы не предать сіе умершее тѣло столь подлѣйшему погребенію“, опредѣлила въ тотъ же день передать на означенный предметъ преосвященному Меодію подъ росписку. Донося обо всемъ Св. Синоду Его Преосвященство въ то же время сообщалъ, что „онѣй митрополитъ нами со веѣмъ священнымъ соборомъ 29 Іюля въ Астрахан. Успенскомъ соборѣ и погребенъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ консисторія сообща съ губерн. канцеляріей распорядилась и относительно оставшагося имущества митрополита. Составлена была опись его, которая подлинникомъ препровождена при доношеніи въ Св. Синодъ съ присовокупленіемъ, что „о той пажити изустное приказаніе онаго митрополита было отдать ее пріѣхавшему съ нимъ изъ Грузіи архимандриту Агаѣону за его служеніе въ награжденіе“, при чемъ отъ Св. Синода испрашивалось надлежащаго указанія по сему предмету. До полученія же отвѣта опредѣлено было „ту пажить за неудобствомъ келліи, гдѣ жилъ покойный митрополитъ“, хранить въ духовной консисторіи, а оставшіяся на грузинскомъ языкѣ письма митрополита были взяты въ губернскую канцелярію для перевода ихъ на русскій языкъ *).

*) Въ означенную опись внесены были и вещи, принадлежавшія архимандриту Агаѣону, который по порученію покойнаго митрополита ѣздилъ въ 1762 г. въ С.-Петербургъ. Возвратился онъ уже послѣ митрополита и заявилъ права на свои вещи, которыя и выданы были ему. Просмотрѣвъ опись собственно митрополичьяго имущества, нельзя не удивляться его скудости и крайней бѣдности. У митрополита не было даже своей митры: при богослуженіи онъ пользовался чужою — архимандричею (Агаѣона). Изъ одеждъ его въ описи показано: одна мантія «полуударишная» ветхая; одна риска суконная ветхая; одинъ посохъ деревянный съ козлинымъ верхомъ; одна шуба лисья старая, покрыта сукномъ; одинъ полушубокъ лисій, покрытый сукномъ красивымъ, старыи... По сему можно судить и о прочемъ домашнемъ скарбѣ — малочисленномъ и старомъ.

Такъ безвѣстно и бѣдственно закончилъ жизнь свою митрополитъ Тимофей, въ свое время, безъ сомнѣнй, видный и дѣятельный представитель грузинской церкви. Несчастіемъ его было то, что ему пришлось остаться навсегда въ Астрахани, городѣ въ то время бѣдномъ, такъ что Астраханскіе Владыки, при всемъ своемъ желаніи обставить лучше положеніе звѣзяхъ преосвященныхъ, по скудости средствъ своихъ, ничего не могли сдѣлать. Не то, конечно, было бы для митроп. Тимофея въ Москвѣ, или С.-Петербургѣ, гдѣ личнымъ ходатайствомъ многіе добивались въ нѣсколько дней себѣ обезпеченія, чего не могъ дождаться этотъ въ цѣлые годы. Такъ счастливо устроился, напримѣръ, извѣстный уже митроп. Христофоръ. Въ бытность его въ 1761 г. въ Москвѣ ему вѣроятно понравилось московское житіе, и вотъ онъ лѣтомъ 1765 г. снова появляется въ Россіи и хлопочетъ предъ Ея Величествомъ чрезъ Оберъ-прокурора Св. Синода чтобы ему позволено было навсегда остаться здѣсь. Императрица Екатерина II „изъ природнаго своего матеряго милосердія“ приказала оставить митроп. Христофора въ Россіи на положенномъ грузинскимъ архіереямъ по конфирмованному 26 Февр. 1764 г. штату жалованія. Какъ пробрался Христофоръ въ этотъ разъ въ Москву незамѣченнымъ — неизвѣстно. Быть можетъ, вопреки прямого предписанія Св. Синода о немедленномъ выѣздѣ его въ Грузію по исполненіи имъ своихъ нуждъ въ первый пріѣздъ, онъ не думалъ возвращаться, а съ 1761 г. продолжалъ жить въ Москвѣ до сего времени. Какъ бы то ни было, но Св. Синодъ долженъ былъ разрѣшить митроп. Христофору, согласно Высочайшей воли, остаться въ Россіи, только счелъ пужнымъ одновременно подтвердить Астраханскому преосвященному, чтобы „впредъ выѣзжающихъ изъ Грузіи духовныхъ персонъ въ Россію отнюдь ни подъ какимъ видомъ безъ указа Св. Синода не выпущать“. О томъ же посланъ былъ указъ и къ визлярскому каменданту *).

Установленіе болѣе строгаго надзора за пріѣзжающими грузин. духовными лицами вызвало соотвѣтствующую провѣрку получаемого ими жалованія. Относительно сего до 1764 г. оставался дѣйствующимъ указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 1728 г. 19 Іюля, касавшійся главн. обр. духовныхъ лицъ, прибывшихъ въ Россію съ грузинскимъ царемъ Вахтангомъ. Между тѣмъ Св. Синодъ не всегда руководствовался имъ на практикѣ, такъ что съ теченіемъ времени въ производствѣ этого жалованія установилось полное несогласіе съ даннымъ указомъ, а именно: архіереямъ платилось иногда по 500 руб. и по 350 р., а иногда и менѣе. Въ устраненіе сего разнообразія въ 1764 г. 13 Января особою комиссіею о церковныхъ имѣніяхъ опредѣлено было производить жалованье грузинамъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: архіереямъ — деньгами и за хлѣбъ и колыску съ лошадьми по 250 руб. каждому; архимандритамъ же, игуменамъ, протопоту и про-

*) Ук. Св. Сии. 1765 г. 25 Іюля № 1292.

чимъ чинамъ „кромя архидіакона, котораго какъ прежде не было, такъ и нынѣ на лицо нѣтъ“ по прежнему положенію 1728 года, съ тою лишь особенностію, чтобы и этимъ послѣднимъ, взявъ выдачу хлѣба натурою, уплачивалось деньгами же по справочной цѣнѣ, какая когда состоятъ будетъ. При томъ, это жалованіе предназначалось только для дѣйствительно получавшихъ его и къ другимъ мѣстамъ викауда не опредѣленныхъ, а изъ тѣхъ, кои впредь имѣютъ выѣзжать въ Россію, положено было, никому не выдавать жалованія безъ особливаго Императорскаго Высочайшаго указа *).

Съ этого времени стали съ большею разборчивостію относиться къ разнымъ выходцамъ изъ Грузіи, и чаще стали сироваживать ихъ въ свое отечество, особенно изъ предѣловъ Москвы, конечно чрезъ Астрахань и ея администрацію. Въ числѣ первыхъ былъ посланъ нѣкій архимандритъ Кирилль. Прибывъ въ Астрахань въ 1764 г., онъ предъ пресвященнымъ Меодіемъ объявилъ себя ставленникомъ бывшаго Тифлискаго католикоса Антонія (послѣ архіепа. Владимірскаго), а потомъ кахетискаго митрополита Николая, проживавшаго тогда въ Москвѣ. Отпущенъ былъ онъ въ Россію будто-бы царемъ Иракліемъ, но доѣхавъ до грузинской границы, онъ, по его словамъ, передалъ свой отпускной видъ стоявшему на той границѣ караульному дворянину Элизбору. Затѣмъ чрезъ Осетію пробрался до Кизляра, а оттуда по его просьбѣ пропущенъ былъ тамошнимъ камендантомъ Потаповымъ уже въ Астрахань. Пресвященный Меодій помѣстилъ его въ Спаскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и жилъ безъ всякаго жалованія насчетъ лишь „келейнаго Его Пресвященства подаванія“. Наслышавшись, безъ сомнѣнія, про гостепримство Москвы и „вѣдая щедролубіе Всемилостивѣйшей и Великой Россійской Монархини“, Кирилль сталъ проситься отпустить его до г. Москвы вмѣстѣ съ находящимся при немъ служителемъ грузинцемъ Георгіемъ для свиданія съ вышепомянутымъ митроп. Николаемъ. Строгий указъ о непроездѣ никого изъ грузинскаго духовенства въ Россію еще не былъ полученъ изъ Синода въ Астрахани, а потому Кирилла отпустили, выдавъ ему паспортъ изъ духовной консисторіи на срокъ съ Іюля 1765 г. впредь до 1-го Января слѣдующаго года. Въ Москвѣ онъ поселился въ домѣ грузинской княжны вдовы Анны Егоровны, откуда даже ѣздилъ съ мѣсяцъ времени въ разные русскіе монастыри для богомолья, сопровождалъ сына генераль-майорши Апраксиной — капитана конной гвардіи Федора Апраксина. Прибывъ съ богомолья въ Москву, онъ сталъ просить о разрѣшеніи ему здѣсь священно-служенія. Но отвѣтъ получился для него самый неожиданный. „Понеже изъ вышеописаннаго явствуетъ, писалось между прочимъ въ указѣ св. Синода, что означенный архимандритъ надлежащаго изъ Грузіи о выѣздѣ въ Россію отпуска не имѣетъ, а хотя и показывается, что якобы отдалъ его на границѣ караульному дворянину, но толь-

*) Въ Ул. Св. Слп. 1782 г. 26 Окт. № 1898.

ко на томъ его показаніи утвердиться не можно; изъ Астрахани же единственно уволенъ въ Москву для свиданія съ митроп. Николаемъ на срокъ, который уже давно миновалъ; за умноженіемъ же въ Россіи грузинскихъ духовныхъ персонъ въ предписанномъ архимандритѣ Кириллѣ надобности выпѣ никакой къ пребыванію ему въ Москвѣ не состоитъ^а, — вслѣдствіе чего и въ виду изданнаго въ 1765 г. указа своего Св. Синодъ опредѣлилъ: „Архимандрита Кирилла, чтобы онъ изъ Москвы ни мало не медля ѣхалъ чрезъ Астрахань и Кизляръ въ свое отечество, обязать съ крѣпкимъ подтвержденіемъ подпискою. Ежели онъ пожелаетъ остаться въ Кизлярѣ на своемъ пропитаніи, въ томъ ему позволить, и для проѣзда до Астрахани дать ему паспортъ, съ коимъ по пріѣздѣ въ Астрахань явиться ему въ губернской канцеляріи, отъ которой и отправить его въ Кизляръ по надлежащему“ *). Другой грузинскій архимандритъ, по имени Ефремъ, въ томъ же году препровожденъ былъ изъ Москвы въ Астрахань болѣе почетно. Этотъ Ефремъ еще въ санѣ іеромонаха и игумена участвовалъ въ Осетинской комиссіи, трудился въ проповѣданіи Слова Божія и въ крещеніи тамошняго народа съ 1745 по 55 годъ, а потомъ служилъ во Владимірской епархіи, въ бытность тамъ грузинскаго католикоса Антонія, которымъ и произведенъ былъ въ Цареконстантиновскій монастырь архимандритомъ; откуда по указу Св. Синода переведенъ былъ въ Козмиль монастырь. Въ 1766 г. онъ былъ уволенъ, по прошенію его, изъ Владимірской епархіи и поселился въ Москвѣ, получая по грузинскому штату жалованіе. Конечно, это жалованіе, при дороговизнѣ городскаго содержанія, было для него крайне недостаточно. Между тѣмъ стало извѣстно, что архимандритъ Астраханскаго Спаскаго монастыря Ааронъ принялъ схиму, и мѣсто его ни кѣмъ не занято. Св. Синодъ „въ виду бывшихъ трудовъ архимандрита Ефрема по миссіи и честнаго его состоянія“, а также принимая во вниманіе, что въ Астраханской епархіи“ какъ въ безъизвѣстно Св. Синоду къ произвожденію въ архимандрита достойныхъ людей не находится“ опредѣлилъ назначить въ тотъ монастырь архим. Ефрема **).

Нѣкоторые же изъ грузинскаго духовенства выпроваживались изъ Москвы вслѣдствіе ходатайствъ о томъ проживавшихъ тамъ грузинскихъ преосвященныхъ. Такъ грузинскій архіеп. Іоаннъ, находившійся въ Москвѣ съ 1760 г., доносилъ Св. Синоду о нѣкоемъ іеродіаконѣ Царевніи, пріѣхавшемъ съ нимъ изъ Грузіи, что онъ усмотрѣвъ въ немъ „въ пьянственныхъ и другихъ непорядочныхъ поступкахъ“, въ виду чего тотъ іеродіаконъ, по собственному своему желанію, уволенъ былъ преосвященнымъ опять въ Грузію „съ таковымъ, при свидѣтельствѣ двухъ грузинскихъ же архимандритовъ, обязательствомъ, чтобы ему нигдѣ какъ внутри Россіи, такъ и на границѣ не оставаться, а прямо слѣдовать въ Грузію и явиться тамошнему

*) Ук. Св. Сии. 1767 г. 3 апр. № 646.

**) Ук. Св. Сии. 1767 г. 4 Іюля № 1383.

епархіальному архіерею“. Получивъ изъ коллегіи Ип. Дѣлъ указъ, Пареевнй въ Іюль мѣсяцѣ 1767 г. выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ грузин. архимандритомъ Ефремомъ въ Астрахань, чтобы отсюда прослѣдовать уже въ Грузію *). Въ слѣдующемъ году, по просьбѣ другаго грузин. преосвященнаго, митроп. Аванасія, проживавшаго въ Москвѣ же, уволенъ былъ оттуда грузин. іеромонахъ Василій „за старостію его и болѣзнями“, по его желанію, для жительства въ гор. Кизляръ съ тѣмъ, чтобы тамъ не лишень былъ онъ получаемаго имъ по грузинскому штату жалованія. Паспортъ выданъ былъ ему лишь до Астрахани съ обязательствомъ, чтобы по пріѣздѣ туда онъ явился Его Преосвященству „непремѣнно“, а отсюда уже онъ отправленъ былъ бы въ Кизляръ **). Были и другіе случаи, когда сами грузины изъявляли желанію или возвратиться въ свое отечество, или поселиться поближе къ нему—въ г. Кизлярѣ. Всѣ просьбы таковыхъ исполнялись, конечно, безъ всякаго замедленія, а вопросъ о поселеніи въ Астрахани или въ Кизлярѣ Св. Синодъ предоставлялъ усмотрѣнію Астраханскаго Преосвященнаго ***).

(Продолж. будетъ).

Свящ. *І. Саввинскій.*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ старое время каждый воспитанникъ духовно-учебнаго заведенія стремился къ одной цѣли—къ поступленію на приходъ. Нынѣшніе-же воспитанники семинарій не считаютъ священство послѣдней цѣлю своихъ желаній и непрочъ при удобномъ случаѣ порвать связь съ званіемъ, которому принадлежать по рожденію. Да и родители ихъ священники, не считаютъ большимъ благомъ для своихъ дѣтей священство на приходъ, что видно изъ того, что дѣтей своихъ они отдаютъ не въ духовно-учебныя заведенія, а въ свѣтскія, напр., въ гимназіи. По мнѣнію одного, какъ видно, тоже когда-то принадлежавшаго къ духовному званію лица, но вышедшаго изъ него, это—роковая ошибка и духовныхъ воспитанниковъ и ихъ отцовъ. Въ статьѣ: „Вѣкъ живи—вѣкъ учись“ (Кишин. Еп. Вѣд. 1897, 17) онъ говоритъ: „Долгіе опыты жизни, многократныя странствованія по разнымъ мѣстамъ нашего обширнаго отечества дали мнѣ возможность видѣть людей, вышедшихъ изъ духовнаго сословія, на разныхъ поприщахъ жизни. И то, что я видѣлъ и слышалъ о жизни и дѣятельности лицъ, получившихъ образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и потомъ перешедшихъ на службу въ другія вѣ-

*) Ул. Св. Сии. 1767 г. 5 Нояб. № 2543.

**) Ул. Св. Сии. 1768 г. 2 Іюля № 675.

***) Арх. д. 1762 г. № 6666 и Ул. Св. Сии. 1781 г. 22 Ян. № 26.